

И. П. Сергеев

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 193–197 гг. И КРИЗИС III ВЕКА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ: опыт сравнительной характеристики

Характерной чертой социально-политического развития Римской империи конца II–III вв. н. э. была острая, выливавшаяся в открытые военные столкновения между отдельными частями римских вооруженных сил и слоями населения империи борьба за императорский престол. В специальной литературе это время определяется как особый период истории Римской империи — период кризиса III века.

Окончание кризиса обычно связывается с началом правления императора Диоклетиана. А вот в отношении начала кризиса историки не имеют единого мнения. Некоторые из них считают, что начальным этапом данного кризиса была гражданская война 193–197 гг. н. э. [см.: 1, с. 202; 2, с. 142; 3, с. 259]. Но по мнению других антиковедов, к числу которых принадлежит и автор данной статьи, с конца II по конец III вв. н. э. римское государство пережило не один, а два политических кризиса, и «настоящий» кризис III века в Римской империи начался в 235 году н. э. [см.: 4, с. 12; 5, с. 13; 6, с. 201; 7, с. 568].

Обосновывая свою точку зрения относительно продолжительности кризиса III века, современные историки ссылаются на свидетельства античных авторов по этому поводу. Так, сторонники второго из указанных выше мнений обращают внимание на то, что начало политической нестабильности в римском государстве с концом правления Александра Севера связывал автор жизнеописания этого императора. По его словам, «...до этого времени империя римского народа имела такого государя, который правил более или менее долго. После Александра власть захватывали, вырывая ее друг у друга, многие, и одни из них правили по полугоду, другие по году, большинство — два года, самое большее — три года» [8, в. А. Sev., 64]. (перевод С. П. Кондратьева).

До настоящего времени в антиковедении не предпринимались попытки сравнительного анализа гражданской войны 193–197 гг. и периода от убийства Александра Севера до прихода к власти императора Диоклетиана как политических кризисов. Между тем, по нашему мнению, их сравнительная характеристика важна как для выяснения особенностей социально-политического развития римского государства в данный период, так и для решения вопросов о хронологических рамках кризиса III века в Римской империи, особенностей его развития и результатов преодоления.

Если говорить об общих чертах рассматриваемых нами кризисов, то следует признать, что и гражданская война 193–197 гг. н. э., и кризис III века представляли собой кризис политической системы римского

государства, т. е. оба эти кризиса были политическими по своему характеру, определялись тем, что существовавшая у римлян система Принципата не могла уже нормально функционировать. Причем в качестве «бунтующего элемента» системы в обоих случаях выступала армия, претендовавшая на то, чтобы играть в государственной системе роль (решать вопрос о том, кто будет занимать престол Римской империи), которая ей в этой системе не отводилась. В результате оба кризиса имели еще одну общую черту — борьба за господство в империи между отдельными частями римских вооруженных сил приняла форму гражданской войны.

Общей чертой обоих кризисов можно признать также то, что их преодоление было достигнуто усилиями выдающейся личности (Септимия Севера и Диоклетиана), правильно определившей, какие преобразования необходимо провести для восстановления стабильности в империи.

Вместе с тем, эти политические кризисы имели и существенные различия, которые нашли свое проявление и в их продолжительности, и в их развитии, и в результатах их преодоления.

Прежде всего, они отличались друг от друга продолжительностью. Если в конце II века н. э. кризисное состояние политической системы империи было устранено после четырех лет гражданской войны, то кризис, разразившийся в 235 году н. э., был преодолен спустя почти 50 лет.

Быстрота преодоления кризисов зависела от ряда факторов: состояния экономики империи, положения внутри вооруженных сил, способности правителей этого времени разобраться в создавшейся обстановке и найти пути вывода государства из трудного положения.

Особое место среди этих факторов занимал фактор внешнеполитический. В годы гражданской войны 193–197 гг. н. э. обстановка на границах римских владений не была совсем спокойной, но натиск варваров на них в это время нельзя сравнить с тем, который они испытывали в середине и в конце III века н.э. Это обстоятельство отразилось и на продолжительности кризиса III века, и на особенностях его развития [см.: 9].

Хотя, как уже отмечалось, во время обоих кризисов борьба за господство в империи имела форму вооруженной борьбы между отдельными частями римской армии, и здесь в каждом кризисе были отличия.

Во время гражданской войны 193–197 гг. н. э. право на возведение на императорский престол своего ставленника оспаривали между собой преторианцы, войска придунайских провинций, западной и восточной частей империи.

Но после военных реформ Септимия Севера противоречия между преторианцами и легионерами были устранены и в событиях кризиса III века преторианцы заметной роли не играли. Однако образование в середине III века н. э. в вооруженных силах империи провинциальных дукатов привело к тому, что в период кризиса III века борьба за господство в римском государстве шла не между крупнейшими провинциальными

гарнизонами (Паннонии, Британии и Сирии), а между этими дука-тами.

Отличительной чертой гражданской войны 193–197 гг., по нашему мнению, следует признать то, что в ней активное участие приняло гражданское население империи. Боровшиеся за императорскую власть в годы этой войны командиры крупнейших провинциальных группировок римских войск получили поддержку отдельных слоев римского общества (крупных земельных собственников Запада и Востока, мелких и средних муниципальных собственников империи). Особенно ярко активность гражданского населения проявилась на Востоке империи, где жители ряда соседних городов приняли сторону Септимия Севера или Песценния Нигра [см.: 10, III, 1–4].

В период кризиса III века, насколько позволяют судить свидетельства источников, гражданское население в столкновения между частями римской армии столь активно не вмешивалось и не сохраняло верности неудачливому претенденту на императорский престол.

Думается, что такую политическую пассивность гражданского населения провинций следует связывать с эдиктом Каракаллы, наделившим правами римских граждан все свободное население империи. Если в конце II века н. э. жители крупных городов Востока соперничали между собой за предоставление им более высокого статуса и связывали в годы гражданской войны 193–197 гг. н. э. свои надежды с победой в этой войне того или иного претендента на императорский престол, то после эдикта Каракаллы такая мотивация для активного участия в борьбе за императорскую власть у гражданского населения провинций уже отсутствовала.

Отличными были и результаты преодоления каждого из рассматриваемых политических кризисов.

Победа в гражданской войне 193–197 гг. н. э. ставленника легионов придунайских провинций не привела к замене в Римской империи системы Принципата какой-то другой политической системой, в которой бы армии отводилась не та роль, какую она играла в государстве эпохи ранней Империи.

Септимий Север, став императором, провел целый ряд преобразований, улучшивших материальное и правовое положение солдат; некоторые его мероприятия объективно способствовали уменьшению роли сенаторов в управлении провинциями и армией.

Вместе с тем, правы, на наш взгляд, те историки, которые считают, что Септимий Север не воспользовался поддержкой армии для того, чтобы изменить законные основания Принципата. Как отмечал Дж. Кэмпбелл, пришедший к власти при поддержке солдат Септимий Север отнюдь не стремился к учреждению военной монархии. Подобно своим предшественникам на императорском престоле, он понимал важность для него поддержки со стороны армии. Но он также признавал необхо-

димость получения такой поддержки и со стороны высших слоев общества империи. Поэтому, по мнению историка, нет оснований для утверждений о том, что уже в правление династии Северов произошли какие-то кардинальные изменения в системе отношений между императором, армией и государством [11, с. 411].

По нашему мнению, целью реформ Септимия Севера было укрепление позиций центральной императорской власти, усиление лояльности армии по отношению к императору, повышение боеспособности римских вооруженных сил, более надежная защита границ империи, сглаживание противоречий внутри армии, но никак не полная замена политической системы Принципата неограниченной военной монархией.

Итак, политический кризис, вылившийся в гражданскую войну 193–197 гг. н. э., закончился не ликвидацией системы Принципата, а ее «усовершенствованием». При Септимии Севере и его преемниках она вполне успешно функционировала и армия в ней оставалась важной опорой императорской власти, гарантом безопасности римских границ и порядка внутри государства.

Т. Моммзен называл период кризиса III века временем агонии римского государства [12, с. 278]. Это действительно был период, когда политическая система Принципата находилась в состоянии смертельной болезни, она не могла нормально функционировать. Агония оказалась затяжной. На протяжении полувека попытки возрождения старой политической системы, уже не способной справиться с трудностями текущей жизни, сменялись поисками новой структуры, отвечающей требованиям времени. И только когда Диоклетиан окончательно отказался от отжившего свое политического организма, он смог создать новую политическую систему, в которой, по выражению Т. Моммзена, новым было все («*neu ist darin so zu sagen alles*») [12, с. 278], вывести государство из кризисного состояния. Т. е. итогом преодоления кризиса III века в Римской империи явилось не «усовершенствование» системы Принципата, а замена ее совершенно новой системой (конечно, не в законченном виде) — системой Домината.

Таким образом, гражданскую войну 193–197 гг. н. э. следует трактовать как самостоятельный политический кризис, а не как начальный этап кризиса III века в Римской империи. Предпринятый выше сравнительный анализ этих явлений социально-политической жизни римского государства показывает, что наряду с общими чертами каждому из них были присущи важные особенности. На этом основании хронологические рамки кризиса III века оправданно ограничить 235–284 гг. н. э.

Литература

1. *Слонимский М.М.* Периодизация древней истории в советской историографии. — Воронеж, 1970.

2. *Штаерман Е. М.* Кризис III в. в Римской империи // ВИ. — 1977. — № 5.
3. *Gallion P.* Western Gaul in the third century // The Roman West in the Third Century. Contributions from Archeology and History. Part 2 / Ed. by A. King and M. Henig. — Oxford, 1981.
4. *Bleicken J.* Verfassungs- und Sozialgeschichte. Paderborn etc., 1981. — Bd. 1.
5. *Cameron A.* Das späte Rom: 284–430 n. Chr. — München, 1994.
6. *Chastagnol A.* Le Senat romain a l'époque imperiale. Recherches sur la composition de l'Assemblée et le statut de ses membres. — Paris, 1992.
7. *Demandt A.* Antike Staatsformen: Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt. — Berlin, 1995.
8. *Авторы жизнеописаний Августов:* Пер. с лат. С. П. Кондратьева / Под ред. А. И. Доватура // ВДИ. — 1958. — № 3; 1958. — № 4; 1959. — № 1–4; 1960. — № 1.
9. *Сергеев И. П.* Внешнеполитический фактор в истории кризиса III века в Римской империи // Вісн. Харк. ун-ту. — 2002. — № 566. — Історія — Вип. 34.
10. *Геродиан.* История императорской власти после Марка: Кн. I–VIII: Пер. с лат. Ю. К. Поплинского и др. // ВДИ. — 1972. — № 4; 1973. — № 1.
11. *Campbell J. B.* The Emperor and the Roman Army: 31 B.C.–A.D. 235. — Oxford, 1984.
12. *Mommsen Th.* Abriss des römischen Staatsrechts. Neue ungekurzte Ausgabe. — Darmstadt, 1982.

Резюме

Сергеев И. П. Громадянська війна 193–197 рр. н. е. та криза III століття в Римській імперії: спроба порівняльної характеристики

Автор статті визначає спільні риси та особливості громадянської війни 193–197 рр. н. е. та періоду римської історії між 235 та 284 рр. н. е. На цій підставі він приходить висновку, що вказана громадянська війна була окремою політичною кризою, а не початковою фазою кризи III століття, початок якої слід датувати не 193, а 235 роком н. е.

С. Б. Сорочан

ПОСЛЕДНИЙ МОНАСТЫРСКИЙ ХРАМ С БАПТИСТЕРИЕМ В ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОМ ХЕРСОНЕ

Речь пойдет о крестовидной в основе, пятиапсидной церкви с закрытыми галереями с трех сторон здания, расположенной в юго-западной части городища, недалеко от заброшенного гидросооружения — большого

водохранилища (castellum aquae) и примыкающего к нему монументального архитектурного комплекса, в 15 м к северу от главной продольной улицы (рис. 1–2)¹. Раскопанный в 1906 г., он спустя полвека, после Великой Отечественной войны, оказался заброшен, в специальной литературе прошел тоже незаметно, удостоившись внимания немногих исследователей, без колебаний отнесших его к первой половине X в. [2, р. 25–34; 3, с. 230–231, рис. 131–132; 4, с. 218–220, рис. 113–115; 5, с. 73; 6, с. 233–234, рис. 33, 2; 7, с. 203–206]. Доследования памятника, проведенные в 2001–2003 гг. Е. Ю. Клевиной и профессором Познаньского университета А. Бернацки, выявили еще ряд помещений рядом с ним



Рис. 1. План пятиапсидного храма. Чертеж М. И. Скубетова, 1906 г.

¹ Ныне невыразительные остатки храма находятся около северо-восточной оконечности вала бывшей батареи № 12. *Подр. см.:* [1, с. 66–78, табл. IV]